

ждались новыми государями, а при утрате старых грамот в таможни присылались списки этих грамот из центральных приказов.

⁵ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 236–238. — Откуп десятинной пошлины вместе с откупом других таможенных пошлин практиковался и в XVII в. в разных местах промыслов и в таможнях. Так, нам попало упоминание, что в одном районе Нижнего Поволжья в конце 40-х гг. XVII в. существовало такое явление: «царицынские рыбные ловли, и таможня, и з десятыи зверь, и з десятая рыба, и конская пошлина» отдавались в откуп крестьянину боярина Н. И. Морозова Савве Колуженинову (РГАДА. Ф. 371 (Преображенский и Семеновский приказ). Оп. 2. № 43. Л. 59).

⁶ РГАДА. Ф. 141 (ПДСЛ). Оп. 3. 1650 г. № 78. Л. 229.

⁷ Там же. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 51, 54.

⁸ Там же. 1624 г. № 31. Л. 206.

⁹ Северная рыба семга в любом виде считалась царским деликатесом и была непременным блюдом государева стола (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 183; Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Новгород. Кн. 15. Л. 794; *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 3. М., 1914. № 1416. С. 660).

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 257.

¹¹ Там же. Л. 307.

¹² *Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей... С. 249–250.

¹³ *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива... Вып. 3. № 1399. С. 641.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 9. Л. 40.

¹⁵ Там же. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 1. № 102. Л. 7 об.

¹⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 175, 180.

¹⁷ Там же. Л. 181.

¹⁸ Там же. Оп. 2. 1649 г. № 117. Л. 315.

¹⁹ «Сало варвань» пользовалось популярностью при изготовлении кож, мыла, красок, лекарственных средств и употреблялось как лампадное масло (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. № 117. Л. 303).

²⁰ РГАДА. Ф. 396 (Столбцы Оружейной палаты). № 40 672. Л. 70.

²¹ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 28. Л. 727.

²² Там же. Кн. 28. Л. 412.

²³ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1614 г. № 8. Л. 78 (о сборе десятины с пушного товара, собираемого вместе с ясаком с пермскими таможенными целовальниками см.: Там же. 1623 г. № 31. Л. 71).

²⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. № 1594.

Т. В. Жиброва

ТАМОЖЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

На рубеже XVII–XVIII вв. система таможенного управления в России претерпела ряд изменений, связанных с началом реформаторской деятельности Петра I. Молодой царь получил в наследство сложную сословно-представительную управленческую систему, с зачатками бюрократической

волокиты и запутанной приказной системой. В Воронежском уезде в обозначенный период действовала таможенная изба, находящаяся под управлением выборного головы и целовальников или откупщика. Здесь традиционно сбор таможенных пошлин объединялся со сбором питейных доходов. К концу XVII в. доля верных голов преобладала над откупом. Судя по всему, избрание таможенного головы «на веру» обеспечивала, по мнению государства, бесперебойные таможенные сборы и гарантировала их надлежащий объем.

В 90-е гг. XVII столетия законодательство о таможенных и питейных сборах вышло на новый виток своего развития, связанного, прежде всего, с деятельностью молодого царя-реформатора. Одновременно с другими преобразованиями Петр I реорганизовал сложившуюся таможенную и кабацкую систему. Были учреждены Коммерц- и Камер-коллегии, последняя контролировала всю внутреннюю торговлю, в том числе сбор внутренних таможенных пошлин.

30 января 1699 г. для сбора пошлин Петр I ввел институт бурмистров¹. Избиравшиеся из торгового и посадского населения управляющие таможнями назывались теперь не таможенными головами, а по городской реформе 1699 г. таможенными бурмистрами. Городовые бурмистры подчинялись только московским бурмистрам. По царскому указу была учреждена Ратуша (Бурмистерская палата), куда были переданы дела из Приказа Большой казны.

В этой связи интересно проследить, как изменилась повседневная служба воронежских таможенных служителей за годы первых петровских преобразований. Впервые Петр I приехал в Воронеж в феврале 1696 г.; затем приезжал в 1699, 1701, 1703, 1705, 1709 и 1722 гг., иногда жил по несколько месяцев. Можно с уверенностью сказать, что Воронеж на короткое время стал важнейшим политическим, административным и культурным центром на юге России.

Новая должность бурмистров была выборной и на первый взгляд мало чем отличалась от должности выборного таможенного и кабацкого головы. Практика выбора должностных лиц была к этому периоду времени хорошо отработана и привычна для населения. Выборы, как правило, организовывались осенью, контролировал их воевода, причем главным критерием была формулировка «душою прям и животами прожиточен», т. е. человек, готовящийся занять важное место, должен был гарантировать своевременные сборы своим личным имуществом.

Выборы оставались для местного населения государственной обязанностью, участие в них было обязательным, так как в выборных документах прописывались имена поручителей, гарантировавших казне защиту от возможных недоборов. Таможенный голова приводился к крестоцеловальной грамоте и должен был на год оторваться от своих торговых дел. Других занятий, кроме как служить государству, у него быть не могло.

Выборный бурмистр, так же как и прежде голова, должен был быть зажиточным человеком, уважаемым местным населением. Однако он мог также присылаться из соседних городов. Подобная практика существовала и раньше. Проблема обязательной грамотности, по всей видимости, для юга России, еще не стояла. Кандидат на вакантную должность мог быть и неграмотным. Так, например, воронежский бурмистр 1706 г. Иван Колесников грамоте обучен не был.

По всей видимости, в глазах государства, «выборная система» была предпочтительнее откупной, но в итоге она себя не оправдала. С началом Северной войны суммы собранных пошлин уменьшились. Откуп вскоре был вновь возобновлен, более того, его сроки увеличили с 1–2 до 4 лет. С 1700 г. повсеместно в уездах появляются постоянные дворы, отданные в частные руки и обеспечивавшие высокие прибыли государству.

В мае 1699 г. из Воронежа в Разрядный приказ были посланы отписки о выборе президента и новых бурмистров из гостей, Гостиной сотни и слобод. Прежний таможенный голова должен был отчитаться о своей службе в Приказе Большой казны. В «статьях, присланных из Воронежа в Розряд», речь шла о выборе бурмистров и о правилах управления делами, подлежащими их ведомству. Документ составлен в форме вопросов и ответов: «под тою статьею помечено». Вопросы, действительно, было много: кого выбирать, сколько выбирать, на какой срок. По закону «повелено быть в бурмистрах из гостей четверем человекам, из Гостиной сотни из лучших четверем человекам, из всех слобод и черных сотен необходимо, усмотря лучших, четверем же человекам, кому б положенныя дела можно было править». «А из тех бурмистров быть по их же выбору лучшим людям, по одному человеку помесячно Президентом, а переменять погодно».

Воронежцев волновало также как теперь искать посыльных и подводы. Под статьей указывалось: «а для розсылок набрать им бурмистрам в солдаты сто человек, подводы иметь по-прежнему в городах, с кого иманы преж сего, а провожатым быть по-прежнему ж».

Упомянута здесь же проблема незаконного производства и продажи алкогольной продукции: «на Москве и в городех ради выемки корчемных питей кого посылать?» Отныне необходимо было «в городах посылать посадских, выбрать для посылки».

Проблема изъятия незаконного алкоголя и контрабанды стояла действительно остро. Помимо воеводы в конце XVII столетия в ее решении принимали участие воронежские стрелецкие и казачьи головы, обладавшие реальными военными полномочиями. Так, в январе 1696 г. на Воронеж был послан указ воронежскому стрелецкому и казачьему голове Х. П. Переверзеву и воеводе С. С. Горчакову о пресечении контрабанды лошадьми в Воронежском уезде.

Пункт 11 закона 1699 г. касался взаимоотношений таможенных служителей и местного населения. «В города и села и волости, в которых те сборы бывают, чтоб послать из приказов, где они были ведомы, Его Великого государя указы к земским старостам, чтоб в положенном на бурмистров деле земские старосты и мирские люди были послушны».

Подтверждался принятый ранее пункт об изменении полномочий воевод: «В городах у таможенных и у кабацких и у всяких денежных сборов быть бурмистрам, а судом и росправою их воеводам не ведать, а ведать бурмистрам, и о том в города к воеводам посланы две грамоты»².

Вся документация и имущество теперь передавались бурмистрам. Как полагает Ю. А. Мизис, указ от 30 января 1699 г. изменил структуру местного управления, введя должность бурмистров, и частично вывел хозяйственную деятельность посадского населения из-под власти воевод³.

5 октября 1699 г. был издан новый именной указ, касающийся обязанностей бурмистров. Они должны были контролировать заставы, чтобы защитить торговцев от произвола воеводы.

А. А. Новосельский отмечал, что до последней четверти XVII в. известно о существовании на территории Воронежского края двух таможенных застав: первая находилась на Дону в нескольких верстах от Коротояка близ устья Тихой Сосны, вторая — острогожская — на Тихой Сосне, недалеко от ее впадения в Дон⁴. В документах воронежской таможенной избы встречаются упоминания о перевозах, где проезжающие торговцы также подвергались таможенному досмотру. Всего упомянуто семь перевозов: Гвоздевский, Губоревский, Семилукский, Девицкий, Устенский, Кречкова Поляна и Борцевский монастырь⁵.

Для русских торговцев существовала целая процедура выезда из родного города. Торговые люди, прежде всего, были обязаны подать воеводе челобитную, в которой указывались цель и место поездки, срок пребывания в отъезде, количество сопровождающих людей. К челобитной необходимо было приложить перепись товаров.

По воронежцам в обязательном порядке составлялись поручные записи. Приведем для примера поручные записи посадских людей от апреля 1698 г. об отпуске их в донские городки для торговли и в Царицын для покупки соли. «Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу... воронежский посадский человек Якушка Елисеев — вели государь с Воронежа отпустить на Дон в козацьи городки, и на Царицын для соляной покупки до сроку... с сентября до первого числа, а гребцов у меня на том дощенике 9 человек»⁶. При возвращении торговцам было необходимо отметить в съезжей избе и предъявить свой товар таможенному голове.

В петровскую эпоху эта процедура, по всей видимости, становится еще более документированной. Мы уже не встречаем прежних стандартных челобитных. Представленные бумаги — это, по сути дела, настоящие проезжие

документы с гербовой печатью, сложенные пополам. Рассмотрим для примера челобитную воронежского посадского человека Тимофея Потапова о выдаче ему пропуска для отъезда в донские казачьи городки для торговли от 18 декабря 1708 г.⁷

На документе стоит помета «решено», он имеет порядковый номер («дело 28»), и далее идет текст: «против сего челобитья дать ему о проезде указ и взять пошлины». Интересно, что так называемый «пропуск» писался на оборотной стороне челобитной просителя. Так, читаем: «державнейший царь государь милостивый, промышляю де, государь, я на Воронеже торговым промыслом... и наперед сего объезживал в ыные города для покупки товаров, а ныне, государь, я в ыные города... для торгового промыслу без твоего, великого государя, указу ехать не смею, всемилостивейший государь, прошу вашего величества, вели, государь, меня с Воронежа отпустить... низайший раб воронежец посадский человек Тимофей Потапов». Текст самого пропуска выглядел следующим образом: «по городом столником и воеводам и приказным людям и в казачьих городках атаманом и старшинам, а по селам, и по деревням, и на мостах, и на перевозах кому ведать приказано пропускать ево, Тимофея, и работников ево везде без задержания».

Первые бурмистры пореформенного времени, сменившие прежних таможенных и кабацких голов, начинали свою деятельность со сложной процедуры передачи им предшественниками имущества, заготовленного сырья и готовой продукции, а также сбора накопившихся долгов и недоимок.

13 марта 1700 г. был издан приговор Ратуши о взыскании по счетным выпискам оказавшейся на головах доимки, «которые были за выбором», «велеть ту доимку править земским бурмистрам». В качестве возможных процедур давления здесь указывались передача на правех и конфискация имущества (дворов, лавок, промыслов, пожитков). Если доправить долги на головах не представлялось возможным, закон указывал «править на тех, кто их выбрали к тем сборам»⁸.

На рубеже XVII–XVIII вв. в Воронежском уезде таможенные и кабацкие пошлины собирал воронежский сын боярский А. Лунев с целовальниками Я. Федотовым и О. Максимовым. Лунев находился на своей должности в 1698/99 г. и был обвинен в недоборе с последующим долгим разбирательством⁹.

Несмотря на то, что по новым законам местная администрация не имела права запускать руку в таможенный ларь, вопрос о взаимоотношениях с воеводой по-прежнему оставался острым. Нередко воевода «корыстовал» в свою пользу. В этих вопросах еще в конце XVII в. Москва выступала на стороне голов таможи и кружечного двора. Как следует из наказных грамот, присылаемых из Москвы, эти должностные лица должны «из государева кабака воеводе и никаким приказным людям никакого питья и запасов по кабацкой цене, во што на кабаках ставитца, не давать, и на винокурнях вин курити и пив варити никому не давать»¹⁰.

В петровскую эпоху для рассмотрения возможных конфликтов с воеводами из столицы присылали сыщиков. Так, в феврале 1700 г. была послана память воронежскому воеводе П. Михневу и подьячему И. Маторину о том, чтобы они ехали в Белоколодск для сбора недоборных явочных и кабацких денег¹¹. Они должны были прояснить ситуацию о недоборе с прежнего головы А. Лунева. С этой же целью в город был прислан сыщик воронежец Иван Северцов.

Иногда, впрочем, воронежские таможенные служители решали свои проблемы без помощи сыщиков. В нашем распоряжении находится интересный документ — челобитная бурмистров воронежского таможенного и кружечного двора З. Алексеева и Я. Аникеева о краже у таможенного целовальника И. Кривого в с. Хлевном вина, датируемая 15 сентября 1700 г. — 3 апреля 1701 г.¹² Бурмистры писали, что «в сентябре 1700 г. в селе Хлевном на малом кабачке для збору... денежной казны с продажным вином, и медом, и с пивом сидел посланный от нас целовальник Илюшка Кривого, и сего году сентября... в ночи в полночь приходили к нему в тот кабачок незнаема какие воровские люди и тово целовальника и с работником в клетке на леднике заперли цепью, и заперши их у выходного погреба замки посламали, и в ночи своими бочками твоего государева казенного вина простова покрали».

В челобитной перечисляются точные сведения об украденном имуществе: «ведр 6, да в боченку вина ведро двойного, да флягу четверть вина двойного ж, да жестеную воронку». После кражи злоумышленники подожгли кабак. На пожар сбежались все жители села и «наутро после тово пожара... жители собрався для сыску тех воров и зажигальщиков». Люди ходили по дворам и на пустоши нашли два боченка, в одном из которых признали пропавшее имущество. Был допрошен бочар Ивашка, который вспомнил, что делал такой боченок некоему Микишке Милокову. Кабацкий целовальник пошел с людьми на двор к предполагаемому вору, взяв с собой улики. Микишки дома не оказалось, его жена сообщила, что он «побежал в лес». Тогда пошли к его другу Ф. Лысыкову. Как оказалось, тот тоже поспешил скрыться. Что же сделал в этом случае целовальник? Он взял с собой жен предполагаемых преступников и привез их в Воронеж в Адмиралтейский приказ, о чем и сообщил в челобитной: «вели их... принять и роспросить»¹³.

Жена Милокова сообщила, что муж ночью уходил и на пожаре не был, бочку опознала. Вторая напуганная женщина созналась, что ее муж «за воровство был бит кнутом, а иного ничего не знает». Глава Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксин приказал «дворы и животы переписать, и запечатать, и велеть беречь того села жителям и для того послать подьячего»¹⁴. Надо отметить, что судя по переписи имущества, составленной подьячим М. Ушаковым, семьи подозреваемых не бедствовали. В росписи упоминаются изба с баней и сараем, две лошади, четыре овцы, коза, три свиньи, куры, рожь,

гречиха и т. д.¹⁵ Апраксин после допроса выслал «женок» домой и велел держать до указа за караулом, а мужей их всем селом сыскивать по-прежнему¹⁶.

В нашем распоряжении имеется довольно редкий случай, когда известно, чем закончилось дело. Жители села Хлевное составили челобитную, в которой сообщили, что им тяжело за свой счет держать пленниц и их детей за караулом. «Мы холопы твои всегда бываем в бору на работе, а тех женок караулят жены наши и в том мы опасны и ништо по ним не ручается». Поселяне просили караул снять, чтобы «в конечном разорении не быть». Апраксин решил дело закрыть, отписав переписанные дворы и животы бурмистрам по оценочной росписи с распиской¹⁷.

Итак, основной обязанностью бурмистров, как прежде голов, был сбор таможенных пошлин в городе и уезде, на перевозах и заставах. Для отчета полагалось вести погодные именные росписи, по сути, прежние таможенные книги, которые с деньгами присылались в Бурмистрскую палату в Москву. Мы располагаем книгой таможенных сборов по Воронежу за 1706 г.¹⁸ Бурмистр Иван Колесников представил записную книгу в Москве в декабре 1707 г., о чем на первом листе стоит помета «принять и счесть».

Книга отличается от более ранних подобных документов воронежских голов наличием сквозной нумерации. В конце каждого месяца указывалось количество собранных пошлин и сумма затрат на воск и на работы, заверенное подписью «руку приложил». Обращает на себя внимание четкая структура документа. Указано число предъявления товара, его владелец с указанием места жительства, фамилии, наименование товара дается по абзацам, на полях стоит помета о дате уплаты пошлины. Видно, что торговцы могли уплатить ее даже на несколько недель позже.

Из текста таможенной книги можно почерпнуть сведения о социальном составе торговцев, явивших свои товары в Воронеже в 1706 г. В основной массе это посадские люди, однако встречаются записи о монастырских крестьянах, мелких служилых людях, пушкарях, стрельцах.

Интересно, что среди торговцев упоминаются ямщики. Так, в январе 1706 г. воронежский ямщик Иван Остахов явил на продажу 3 кади меду весом 24 пуда¹⁹. Записи его явок не единичны. Ямщик торговал не только медом, но и скотиной²⁰.

В торговле в Воронеже участвовали жители Суздаля, Козлова, Орлова, Ельца, Курска, Скопина, Белгорода, Переяславля-Рязанского, Доброго, Москвы, Ливен, Нижнего Новгорода, Касимова, Тулы, Рязани, Ростова, Калуги и других городов. В основном целые страницы таможенной книги 1706 г. посвящены записи явок московских торговцев. Здесь же видно, что иногородцы приезжали целыми группами (записи явок идут друг за другом и в один день). Приезжали в Воронеж также донские казаки, которые в основном группами в несколько человек привозили на продажу рыбу и икру.

Из собранных таможенных и кабацких пошлин, как прежде головы и откупщики, бурмистры обязаны были выделять денежные средства и вино на самые разнообразные нужды. Так, в 1681 г. в Воронеж была прислана память воронежскому таможенного и кружечного двора верному выборному голове С. Е. Климову о выдаче в донской отпуск 400 ведер вина²¹.

17 февраля 1699 г. в Воронеже снова проводилась заготовка вина и водки для донского отпуска. Воронежским воеводам было «велено на государев... обиход на Воронеже дворцового подрядного вина в донской отпуск высидеть 50 ведер водки, 800 ведер вина двойного²², и для готовности той водки и вина послан на Воронеж Сытного дворца стряпчий Прокофий Зверев, а на сиденье той водки дрова и уголья иметь ему у вас сколько понадобится»²³.

Расходные книги винного целовальника Дмитриевской сотни Ивана Андреева содержат сведения о выдаче денег и вина «на корабли», подьячим, «парусному делу», «шлюпочному делу», «для утирки» разнообразных металлических конструкций и деталей, с указанием сколько «на то водочное курение пошло розмарину и анису»²⁴.

Отрывок из царской грамоты от 27 августа 1700 г. также сообщает о сборе Ф. М. Апраксиным питейных денег на строительство кораблей. Здесь же содержится угроза о том, что с местных жителей «доправлено будет второе», если в срок не заплатят²⁵.

Итак, на рубеже XVII–XVIII вв. таможенное управление в Воронежском уезде претерпело значительные изменения. Однако, как отмечает Ю. А. Мизис, они носили скорее организационный, чем внутренний характер²⁶. Основные функции таможенных служащих не изменились. Бурмистры по-прежнему отвечали за бесперебойный сбор таможенных пошлин, объединенных со сбором «питейных денег». Они должны были вести строгую отчетность, составляя таможенные книги, следить за пресечением контрабанды и корчемства в уезде, по возможности способствовать расширению местной торговли, своевременно обеспечивать местные власти необходимыми средствами по указам из Москвы. Принципиальным отличием от предыдущей эпохи становится изменение подчинения таможенных изб, их прямая связь с земскими должностными лицами и столицей.

Примечания

¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. С. 598–600.

² Там же. С. 614.

³ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 170.

⁴ Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке // ИЗ. 1948. Т. 26. С. 199.

⁵ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 20. Л. 12–12 об.

⁶ Там же. Оп. 4. Д. 39. Л. 1–9.

⁷ Там же. Ф. И-171. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–3.

⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 4. С. 20.

⁹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 598. Л. 1–11.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 10–11.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 598. Л. 1–11.

¹² Там же. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 14.

¹⁸ Там же. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–212.

¹⁹ Там же. Л. 17.

²⁰ Там же. Л. 210.

²¹ Там же. Д. 128. Л. 7–8.

²² Двойным вином называли напиток, который перегонялся дважды для усиления его крепости.

²³ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 47. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Ф. И-171. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–10.

²⁵ Там же. Д. 9. Л. 1.

²⁶ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 181.

Н. С. Чернышёва

ТАМОЖЕННЫЕ РАСХОДЫ В УСТЮГЕ, ТОТЬМЕ И СОЛЬВЫЧЕГОДСКЕ В 1630–1670-е гг. (по материалам опубликованных таможенных книг)

Таможенные книги, которые до таможенной реформы середины XVIII в. составлялись в местных таможенных, являются основным источником по истории торговли, купечества и таможенного дела России XVII — первой половины XVIII в. В них отражены как доходы таможи за отчетный год, так и расходы собранных пошлин. Расходы отражались в особых разделах таможенных книг — «расходных книгах».

В трехтомном издании «Таможенные книги Московского государства XVII века» содержатся приходо-расходные документы по Устюгу, Тотьме и Сольвычегодску. В данной статье предпринята попытка анализа расходных разделов таможенных книг указанных городов, в том числе Устюга за 1633/34, 1635, 1650/51, 1652/53, 1655/56, 1676/77, 1678/79, 1679/80 гг.¹, Тотьмы за 1634/35, 1635, 1653/54, 1655/56, 1675/76, 1677/78 гг.² и Сольвычегодска за 1634/35, 1635, 1651/52, 1655/56, 1677/78, 1678/79 гг.³

В Устюге наибольшая величина таможенного сбора отмечена в 1652/53 г. (4886 руб. 93,75 коп.), наименьшая — в 1655/56 г. (1786 руб. 2,25 коп.). Максимальный размер сбора в Тотьме зафиксирован в 1676/77 г. (1144 руб. 95,5 коп.),